

УДК 801.7

О ЧЕМ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ СОВРЕМЕННАЯ АНТИУТОПИЯ? (на примере романа Т. Толстой «Кысь»)

Свиридов В.И.

Научный руководитель – Савченко В.В.

Воронежский институт высоких технологий – АНОО ВПО

XXI век начался со споров о романе Т. Толстой «Кысь», названном одним из самых ярких литературных событий последних лет. Т. Толстая работала над романом с 1986 года, замысел родился, по словам автора, под впечатлением от чернобыльской катастрофы. Жанровую природу текста критики определяют по-разному (роман причисляли то к эсхатологической сатире, то к лингвистической фантастике), но многие сходятся во мнении, что перед нами антиутопия. Мне интересен этот жанр художественной литературы, поэтому в данной работе сделана попытка понять новое произведение Т. Толстой.

Жанр антиутопии, на мой взгляд, является своеобразным откликом человека на давление нового порядка. Антиутопия, как правило, становится ведущим жанром именно на сломе времен, в переходную эпоху. В антиутопии мир, выстроенный на тех же началах, что и в утопии, дан изнутри, через чувства одного человека, испытывающего на себе законы общества идеальной несвободы, важным в антиутопии становится конфликт личности и тоталитарного государства (что объясняет запрещение этого жанра в советской литературе).

Первой «классической» русской антиутопией принято считать роман Евгения Замятина «Мы», написанный в начале 1920-х годов, а прочитанный лишь в 1988 внуками тех, кому он был адресован. Известный русский философ начала XX в. Н. Бердяев писал: «Утопии страшны тем, что они сбываются». Сегодня отношения между художественным текстом и тем, что творится рядом с нами, за окном, на улице, на экране телевизора в сводке новостей, настолько изменились, что позволили современному критику М. Золотоносову высказать предположение: «В нашей Системе любой, сколь угодно абсурдный проект уже реализован, любой гипотетический сценарий вскоре будет подтвержден фактами. Ничего невозможного нет. Поэтому всякая экстраполяция на самом деле не носит характера предсказания, так как сбывается все».

Поэтому с полной уверенностью антиутопию можно считать жанром «предупреждения». О чем же предупреждает человечество современная антиутопия?

В конце XX века антиутопия обращается не только к социальным утопиям человечества, но и к проблеме нравственного разрушения. Литературная традиция антиутопии XX века, заданная Е. Замятиным в романе «Мы», А. Платоновым в «Чевенгуре», В. Набоковым в «Приглашении на казнь», сегодня значительно корректируется. Критик А. Генис полагает, что современные писатели, «балансируя на краю пропасти в будущее, обживают узкое культурное пространство самого обрыва». Особенность современных антиутопий состоит в «узнавании» реальности, сочетании гиперболизированных деталей нашей действительности с фантастическим сдвигом этой самой действительности, писатели лишь усиливают, а зачастую лишь фиксируют то, что уже существует в реальности.

Действие романа Т. Толстой «Кысь» происходит после некоего Взрыва в городке Федор-Кузьмичск, который раньше назывался Москвой. Этот городок, окруженный лесами и топями, населяют уцелевшие от Взрыва люди: «Ежели кто не тютюхнулся,

когда Взрыв случился, тот уже после не старится. Это у них такое Последствие. Будто в них что заклинило... А кто после Взрыва родился, у тех Последствия другие, у кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебеде рылся, у кого жабы; у иного гребень петушиный али еще что». Национальной валютой и главным продуктом питания становится мышь, а предметом запугивания и устрашения некая Кысь, которая охотится на человека в лесу: «Пойдет человек вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! И хребетину зубами: хрусь! — а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет».

Можно сказать, что перед нами разворачивается своеобразная энциклопедия русской жизни, в которой легко угадываются черты прошлого и предстает страшная картина будущего. Многие критики говорят, что Толстая выделяет такой важный компонент отечественной действительности, как постоянная мутация, мнимость, недолговечность твердого порядка вещей: «Отчего бы это, — сказал Никита Иванович, — отчего это у нас все мутирует, ну все! Ладно люди, но язык, понятия, смысл! А? Россия! Все вывернуто!»

Главный герой романа Бенедикт — человек(?), знающий грамоту, работающий в конторе государственным писцом, но при этом не читавший настоящих, старопечатных книг ни разу в жизни. Все, что он переписывает и читает, — отрывки, куски, суррогат настоящей литературы.

Герой одержим страстью к чтению: «Вот читаешь, губами шевелишь. Слова разбираешь, и вроде ты сразу в двух местах обретаешься: сам сидишь али лежишь ноги подогнувши, рукой в миске шарить, а сам другие миры видишь, далекие, али вовсе небывшие, а все равно как живые».

Бенедикт не понимает значений многих слов, и в его воображении они предстают в искаженном облике: *мараль, фелософия, не врасценик*. Главный герой — существо маргинальное уже по своему происхождению. Мать его — из «прежних», с «ОНЕВЕРСЕТЕЦКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ», отец же — из простых «голубчиков». В центре внимания автора находится процесс пробуждения и становления личности Бенедикта — от момента его первой любви и женитьбы до момента выделенности его из всего общества и полного одиночества, в котором ему предстоит сделать выбор, определяющий всю дальнейшую судьбу городка. Бенедикт, как в сказке Иван-дурак, начинает свое существование в избе (простой переписчик) — оканчивает в красном тереме (всесильный министр), но волшебного превращения в прекрасного и умного молодца, характерного для русских народных сказок, с героем так и не происходит.

Сюжет строится на том, что Бенедикт постепенно проникается патологической жадой чтения. Главный мотив его поведения — ГДЕ достать книг. А книги — якобы радиоактивные вследствие случившегося 200 лет назад Взрыва — являются продуктом запрещенным и изымаются Санитарами, а их владельцы бесследно исчезают: их отправляют на лечение. Жажда чтения становится причиной того, что Бенедикт и сам становится Санитаром, а потом, свергнув вместе со своим тестем тирана Федора Кузьмича, наконец, убежденный, что спасает искусство, предает на казнь своего друга из Прежних — Никиту Иваныча. И все это — ради того, чтобы проглотить очередную порцию книг, еще им не читанных.

Обнаруживается следующий парадокс: количество прочитанного Бенедиктом не переходит в качество. Его одинаково захватывают и «Плетения жинковых жакетов», и «Одиссея», и «Евгений Онегин», и «Гуталиноварение». Как он был невеждой, так им и остался. И никакое воспитание в духе сострадания и взаимопомощи и увещательные беседы со стороны Никиты Иваныча и диссидента из Прежних Льва Львовича не оказывают ни малейшего воздействия на Бенедикта: он просто не понимает, о чем речь. Чтение превращается в процесс, Слово утрачивает свою спасительную функцию,

Книга перестает быть источником знаний, средством для духовного возрождения и перерождения человека.

Таким образом, Слово, Буква, Книга как шифр человеческой индивидуальности занимают в романе Толстой особое место (не случайно названия глав романа — все те же буквы древнерусского алфавита: аз, буки, веде, глаголь, добро и т. д. до ижицы, и читателю нужно освоить этот алфавит от первой до последней буквы). Главный герой романа хочет сразу прочесть такую книгу, которая бы все ему объяснила, найти книгу-ключ, однако Т. Толстая этот ключ у героя отнимает и вместе с Никитой Ивановичем говорит: «Азбуку учи! Азбуку! Сто раз повторял! Без азбуки не прочтешь!» Духовная жажда, сжигающая Бенедикта, требует непрерывного притока книжного топлива. Притом, что чтение стало ежедневной потребностью героя, но не насыщает, а только распаляет неразвитый ум. Не случайно в финале романа он, бездумно перемешивая вычитанные в книгах строчки, говорит: «Я только книгу хотел — ничего больше, — только книгу, только слово, всегда только слово, — дайте мне его, нет его у меня! ...Что, что в имени тебе моем? Зачем кружится ветер в овраге? Чего, ну чего тебе надобно, старче? Что ты жадно глядишь на дорогу? Что тревожишь ты меня? Скучно, Нина! Достать чернил и плакать! Отворите мне темницу! Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!»

Роман Т. Толстой «Кысь» — антиутопия, главным героем которой становится Книга. Не случайно обращение автора к теме книги происходит именно в начале нового века. В последнее время все чаще возникает вопрос, какую роль будет играть и уже играет книга в жизни современного человека. Книга вытесняется компьютером, телевизором, видео, а вместе с ней уходит некая очень важная составляющая духовности, и это отсутствие, это зияние нельзя восполнить ничем.